

*А. Я. Кожурин, И. Б. Романенко**

**ГРАНИЦЫ РУССКОГО МИРА
(ЗАПАДНАЯ РОССИЯ В КОНЦЕПЦИЯХ
Н. Г. УСТРЯЛОВА И М. О. КОЯЛОВИЧА)****

В статье рассматриваются концепции двух выдающихся русских историков XIX в. — Н. Г. Устрялова и М. О. Кояловича, которые нечасто становятся объектом анализа. Их объединяет то, что отечественная история для них не исчерпывалась историей государства Российского, как для магистральной линии русской историографии. Они брали нашу историю шире, включая в нее и исторический путь Западной Руси, которая на протяжении столетий попадала под чужеземное господство, но сумела сохранить себя. Таким образом, в их исторических трудах обозначались настоящие границы Русского мира, что, по нашему мнению, является остроактуальной темой.

Ключевые слова: Русский мир, история, Западная Россия, Великое княжество Литовское, уния.

* Кожурин Антон Яковлевич — докт. филос. наук, доцент, ankozburin@yandex.ru, профессор кафедры философии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

Anton Ya. Kozhurin — Dr. Philos. Sciences, Associate Professor, ankozburin@yandex.ru, Professor of the Department of Philosophy, Herzen Russian State Pedagogical University.

Романенко Инна Борисовна — докт. филос. наук, in_romanenko@rambler.ru, профессор, заведующая кафедрой философии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

Inna B. Romanenko — Dr. Philos. Sci., in_romanenko@rambler.ru, Professor, Head of the Department of Philosophy, Herzen State Pedagogical University of Russia.

** Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А. И. Герцена (проект № 60-ВГ «Формирование систематических представлений о российской цивилизации, ее государственности и культуре в контексте общеобразовательной подготовки иностранных обучающихся по дисциплине «Основы российской государственности»»).

A. Ya. Kozhurin, I. B. Romanenko
THE BORDERS OF THE RUSSIAN WORLD
(WESTERN RUSSIA IN THE CONCEPTS
OF N. G. USTRYALOV AND M. O. KOYALOVICH)

The article examines the concepts of two prominent Russian historians of the 19th century, N. G. Ustryalov and M. O. Koyalovich, who rarely become the object of analysis. They are united by the fact that for them the national history was not limited to the history of the Russian state, as for the main line of Russian historiography. They took our history more broadly, including the historical path of Western Russia, which for centuries fell under foreign domination, but managed to preserve itself. Thus, their historical writings outlined the real borders of the Russian world, which, in our opinion, is an acutely relevant topic.

Keywords: Russian world, history, Western Russia, Grand Duchy of Lithuania, Union.

На встрече с представителями интеллигенции Санкт-Петербурга в 2006 г. президент РФ В. В. Путин использовал понятие «Русский мир», призвав закрепить его в социально-культурном словаре [8, с. 158–159]. Год спустя был создан фонд «Русский мир», чьей целью было заявлена популяризация русского языка и поддержка программ изучения русского языка за рубежом. Интересующее нас понятие постоянно используется патриархом Московским и всея Руси Кириллом. В дальнейшем понятие «Русский мир» закрепляется в идейно-политическом лексиконе современной России. Попытаемся определить границы применения данного понятия ретроспективно, обращаясь к концепциям русских историков XIX столетия.

Если говорить о магистральной линии развития отечественной исторической науки XIX столетия, то она выстраивалась вокруг проблемы возникновения и развития русской государственности. Это мы видим уже у Н. М. Карамзина, чей труд не случайно назывался «История государства Российского». Даже авторы, не согласные с идеями историографа и пытавшиеся предложить альтернативные проекты, так или иначе были вынуждены сворачивать на данные рельсы. Весьма показательна в этом отношении «История русского народа» Н. А. Полевого, которая обернулась еще одной историей государства [2]. Во второй половине XIX в. несомненное доминирование в русской исторической науке получила «государственная школа», основанная К. Д. Кавелиным и Б. Н. Чичериным и получившая фундаментальное развитие в трудах С. М. Соловьева, В. И. Сергеевича, А. Д. Градовского и Ф. И. Леонтовича. Ее влияние испытали и авторы, которых к ней обычно не относят. В этой связи следует назвать В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова и П. Н. Милюкова. Кстати, именно последний и обозначил впервые данное направление под названием «юридическая школа» [7].

Так как собственное государство из всех ветвей русского племени возникло только у великороссов, то большинство отечественных историков позапрошлого столетия сосредоточило свое внимание именно на развитии Московского государства и его преемнице — Российской империи. Западнорусские земли попадали в их поле зрения только тогда, когда они входили в состав государства Российского. Представители государственной школы, конечно, обращались к их истории. Достаточно назвать специальные работы С. М. Соловьева («История падения Польши», 1863) или Ф. И. Леонтовича («Очерки

истории литовско-русского права. Образование территории Литовского государства», 1884; «Сословный тип территориально-административного состава Литовского государства и его причины», 1895). Но в общих курсах русской истории происходило жесткое разделение истории Восточной и Западной Руси. Результатом подобного невнимания становилось то, что историей Западной Руси изначально занимались враждебно настроенные к России авторы — поляки и идеологи нарождавшегося с середины XIX в. украинского национализма (вроде Н. И. Костомарова). Между тем знание этой истории представляется важнейшей задачей даже в наше время.

Конечно, интересующая нас история осмыслялась и патриотически настроенными исследователями. Здесь в первую очередь надо назвать представителей «западнорусской» исторической школы, чьей центральной фигурой был М. О. Коялович. Кроме того, последняя находилась в горизонте восприятия и других представителей отечественной исторической науки. Достаточно назвать имена И. Д. Беляева («Очерк истории северо-западного края России», 1867; «История Полоцка, или северо-западной Руси, от древнейших времен до Люблинской унии», 1872), Д. И. Иловайского («Гродненский сейм 1793 года: Последний сейм Речи Посполитой», 1870; «История России», т. 1–5, 1876–1905), М. К. Любавского («Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статуса», 1892; «Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно», 1910), Е. Ф. Шмурло («История России. 862–1917», 1922).

Но первым, кто ввел историю Западной Руси в общий курс истории России, был Н. Г. Устрялов. Николай Герасимович Устрялов (4 [16] мая 1805, Богородицкое, Орловская губерния — 8 [20] июня 1870, Царское Село) — русский историк, археограф, педагог, представитель концепции «официальной народности». За ряд исторических работ Н. Г. Устрялов был награжден орденом Св. Анны III степени, а также орденом Станислава. Похоронен Н. Г. Устрялов на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга.

Подобно своему коллеге, М. П. Погодину, Н. Г. Устрялов родился в семье крепостного. Его отец, Герасим Трифонович Устрялов, был управляющим князя И. Б. Куракина. Будущий историк учился в Орловской мужской гимназии (1816–1820), после окончания которой в 1821 г. поступил на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, но вскоре перевелся на историко-филологический факультет, который и окончил в мае 1824 г. По окончании университета Н. Г. Устрялов поступает на службу в канцелярию министра финансов. Бюрократическая рутинная работа, однако, не устраивала молодого человека, предложившего свою кандидатуру на вакантную должность учителя истории в Третьей Санкт-Петербургской гимназии. Здесь его заметил и предложил работу Д. Н. Блудов — товарищ министра народного просвещения и бывший видный «арзамасец». Речь шла о разборе бумаг из кабинета покойного императора Александра I. В ходе этой работы Н. Г. Устрялов познакомился с рядом секретных документов по истории XVIII столетия. Параллельно он переводит и публикует ряд материалов по русской истории XVI — начала XVII в. (записки Ж. Маржерета, сочинения князя Андрея Курбского и др.),

которые пользуются успехом у публики. За эту деятельность Н. Г. Устрялов был дважды удостоен Демидовской премии.

В 1831 г. Н. Г. Устрялов становится преподавателем всеобщей и русской истории Санкт-Петербургского университета. В 1836 г. он защищает докторскую диссертацию «О системе прагматической русской истории» и подучает должность экстраординарного профессора. С 1837 по 1859 г. — ординарный профессор, в 1851–1859 гг. Н. Г. Устрялов занимал должность декана историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. Он был избран в Академию наук — сначала адъюнктом по русской истории и древности (с 13 января 1837 г.), затем — экстраординарным академиком (с 4 июня 1842 г.) и, наконец, ординарным академиком (с 5 октября 1844 г.).

Н. Г. Устрялов сближается с С. С. Уваровым — министром народного просвещения, помогая ему продвигать формулу «православие-самодержавие-народность» в образовательной системе Российской империи. Эти установки он проводит в ряде учебников — для студентов университета («Русская история», 1837–1841), для учеников гимназий и реальных училищ, которые были лично одобрены Николаем I. Это были первые профессиональные работы, которые давали российскому обществу целостное и последовательное изложение исторического прошлого страны — с древнейших времен до середины XIX в. В таком качестве они были безальтернативны до 1860-х гг. Необходимо заметить, что, в отличие от большинства выдающихся русских историков (Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский и др.), Н. Г. Устрялов довел изложение исторического материала до своего времени, а не остановился на отдаленных этапах отечественной истории.

Основные задачи истории, считал Н. Г. Устрялов: 1) самое подробное, верное и отчетливое знание фактов; 2) приведение этих фактов в систему. Среди источников исторических знаний интересующий нас автор выделял: 1) письменные источники (свидетельства современников, государственные акты, произведения наук и изящных искусств); 2) неписьменные источники (памятники материальной культуры — предметы художественного и бытового обихода). Критическое рассмотрение источников было характерной чертой Устрялова-историка. Оно позволяло выявлять фальшивки, как в случае с «Прутским письмом» Петра I, а ведь это письмо рассматривали в качестве подлинного многие маститые историки, включая С. М. Соловьева.

Опираясь на адекватные источники, историк может воссоздать прошлое, выстроить систему «прагматической истории». «Прагматическая история» Н. Г. Устрялова предусматривала выявление причинно-следственной связи исторических событий — в противоположность хронологическому (летописному) или повествовательному изложению русской истории. В этом аспекте он противопоставлял свою установку как русским историкам XVIII в., так и «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. В этом отношении он вполне вписывается в ряд отечественных историков, выступивших с критикой знаменитого труда. Н. Г. Устрялов разделял русскую историю на две главные части: древнюю (до 1689) и новую (до 1855). Каждая из них, в свою очередь, делилась на периоды в соответствии с изменениями, которые происходили в гражданском быте.

Н. Г. Устрялов стал первым русским исследователем истории Великого княжества Литовского. Этой тематике была посвящена его работа «Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское?» (1839). Научные изыскания Н. Г. Устрялова были также посвящены эпохе Петра I. Его перу принадлежала «История царствования Петра Великого» (т. 1–4, 6, 1858–1863). К изучению этой эпохи он приступил после смерти А. С. Пушкина, который, как известно, занимался ей по поручению Николая I. С 1842 г. Н. Г. Устрялов был допущен к секретным государственным архивам. Основываясь на полученные там знания, он смог опубликовать материалы следственного дела царевича Алексея, которое было впервые обнародовано в одном из томов «Истории царствования Петра Великого» (т. 6, 1863).

Н. Г. Устрялов был выдающимся преподавателем, достиг в этом деле больших высот. По воспоминаниям современников, его лекции пользовались большим успехом. Среди тех, кто был слушателем его лекций, мы видим Т. Н. Грановского, И. С. Тургенева, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева. Конечно, практически никто из них не стал последователями маститого историка, но в большинстве своем они задумались над проблемами русской истории именно под его влиянием. Кстати, Н. Г. Устрялов помог в свое время Н. Г. Чернышевскому в защите его диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности».

Н. Г. Устрялова, наряду с М. П. Погодиным и С. П. Шевыревым, причисляют к наиболее последовательным представителям теории «официальной народности». Это, несомненно, так, особенно учитывая связи историка с графом С. С. Уваровым — автором этой концепции. Этим можно было бы объяснить отсутствие сколько-нибудь серьезной литературы о нем. Однако о М. П. Погодине, несмотря на его репутацию, существует серьезная литература — как в либеральной историографии, так и в советской. Не говоря уже о фундаментальном исследовании Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина» (в 22-х тт.!!!). В меньшем объеме, но все же удостоивался внимания исследователей и С. П. Шевырев. Переиздавались и его поэтические произведения. Н. Г. Устрялов подобным вниманием был обделен, да и в наше время его воззрения лишь эпизодически привлекают внимание исследователей.

Между тем его установки заслуживают самого внимательного анализа. Н. Г. Устрялов отдавал отчет в том, что изучение истории не может быть оторвано от социально-политических процессов современности. Мы коснемся лишь одного аспекты его наследия — интерпретации истории Западной Руси. Как указывает А. Е. Шикло, «впервые в отечественной историографии он рассмотрел вопрос о разделении Руси на восточную и западную, обратил внимание на историю Литовского княжества» [1, с. 267]. Данная установка была ответом историка на притязания польских бунтовщиков, которые претендовали на восстановление Речи Посполитой в границах 1772 г. [6, с. 15]. Напомним, что в это образование, помимо собственно польских земель, включало в себя Литву, Белоруссию и правобережную Украину.

Н. Г. Устрялов в своих исторических трудах показывал неправомерность польских притязаний, историческую связь данных регионов с Россией. Он

рассматривал историю Руси как борьбу между домами Калиты и Гедимины за объединение русских земель. В «Русской истории» Н. Г. Устрялов писал:

«Русь Западная до конца XVI века оставалась под властью князей литовских, в роде Гедимины, но так же, как Восточная, спасла свою веру, свой язык, свои уставы гражданские. Следовательно, самые крепкие узы связывали ее с Восточной Русью, и народ, свято сохраняя закон прародительский, неоднократно обнаруживал живейшее желание возвратиться в подданство царя православного, целыми областями присоединяясь к его державе» [9, с. 27].

Сами Гедиминовичи были связаны многочисленными брачными и родственными связями с князьями дома Святого Владимира. Ярким символом этого стал титул московских правителей — «Господарь всея земли Русской», принятый в середине XV столетия.

Н. Г. Устрялов отмечает усиление Литвы, которая долгое время выступала объектом завоевательных устремлений западнорусских князей, но выходит на историческую арену после монгольского нашествия. Литовцы выступают из своих лесов и начинают захватывать соседние русские города. Ими были захвачены Полоцкое, Минское и Витебское княжества. Сам Александр Невский был вынужден неоднократно выводить свою дружину, чтобы помешать литовцам овладеть землями Пскова и Новгорода. Потерпев неудачу на северо-восточном направлении, новые завоеватели обратили свои усилия на Юг — на Пинск и Волынь. С этого момента история Литвы тесно связывается с историей Юго-Западной Руси. При этом, присоединив огромные территории, Великое княжество Литовское долгое время сохраняло чисто русский характер. Подавляющее большинство ее населения, язык, гражданские установления имели русский отпечаток.

Был, однако, один русский регион, который оказался под властью поляков. Речь идет о Галицком княжестве, которое в годы правления Даниила Романовича (1201–1264) представляло собой едва ли не самое мощное из древнерусских государств. При его наследниках оно стало приходить в упадок, не в силах бороться с наседавшими со всех сторон врагами — монголами, литовцами, венграми, поляками. Наконец после пресечения династии ее жители обратились к Болеславу Мазовецкому с просьбой занять престол. При этом новый правитель обещал своим подданным сохранить православную веру и древние уставы, но, взойдя на престол, стал нарушать данное ранее слово. Бояре отравили князя-отступника, но территория Галицкого княжества на многие столетия превратилась в объект спора между соседними государствами. В конечном счете Галиция утрачивает русский характер. Судьба Галиции, которая сумела инфицировать своим ядом современную Украину, — яркий пример «несостоявшегося государства» (*failed state*). Данная преемственность, как нам представляется, обрекает на превращение в подобное образование и саму Украину.

Возвращаясь к Великому княжеству Литовскому, Н. Г. Устрялов признает судьбоносным выбор, сделанный ее правителями в 1386 г. Речь идет о польско-литовской унии, впервые оформленной в этом году. Вот как звучит соответствующий пассаж из «Русской истории»:

«В 1386 г. дом Гедимины вступил на польский престол и, связав судьбу своего государства с судьбою Польши, поставил Западную Русь в такое положение, что она могла соединиться с Восточной только после долговременной борьбы» [9, с. 181].

Эта уния, позднее неоднократно подтверждаемая (1401, 1413, 1432, 1499, 1501 и 1569), сыграла в истории Великого княжества Литовского воистину роковую роль. Она фактически перекрыла ей возможность стать гегемоном православного Востока. На пике своего могущества Литва обладала несомненным преимуществом по отношению к Московскому княжеству как в территориальном, так и демографическом аспектах. Она включала множество городов с многочисленным купеческим и ремесленным населением. Фантомный лозунг «*Polska od morza do morza*» («Польша от моря до моря») был в Великом княжестве Литовском реализован на практике, оно действительно протиралось от Балтийского до Черного моря.

Сама власть литовских князей, по мнению Н. Г. Устрялова, имела типологическую близость с властью русских князей. Лишь позднее, под влиянием польских обычаев, она стала меняться — далеко не в лучшую сторону.

«Когда Ягайло вступил на престол Пястов, в польском королевстве обнаружилось все признаки грядущего безначалия: магнаты уже предписывали условия королю и присвоили себе многие из прав его. Ягайло не только не думал об усилении королевской власти, к чему стремились все европейские государи, но и в наследственном княжении вводил польский образ правления» [9, с. 374].

Историк дает следующее объяснение подобному нелогичному, на первый взгляд, поведению польско-литовского правителя:

«К этому странному поступку побуждали его два главных обстоятельства: ревность к обращению русского народа, ему подвластного, в латинскую веру и старание удержать Литовское княжество, отторгаемое Витовтом и Свидригайлом, за своим родом» [9, с. 374].

В дальнейшем, как мы увидим, подобная децентрализация сыграла роковую роль в истории Польско-Литовского объединения.

Образование в 1569 г. Речи Посполитой имело, по мнению Н. Г. Устрялова, еще более тяжелые последствия для Великого княжества Литовского и его русского населения. Оно, по сути дела,

«...вошло в состав польского королевства и допустило наложить на себя иго народу слабому, мало знакомому с порядком гражданским, еще менее с славою завоеваний. Это иго, по своим следствиям, было бедственнее татарского; татары разрушали русские города, губили народ, князей, брали дань тяжкую, но не трогали ни веры, ни языка, ни гражданских уставов, и Россия, спасшая народное достоинство, всегда носила в недрах своих залог будущего величия. Поляки, поработив западную Русь не оружием, а политикой, не могли свирепствовать подобно монголам; зато вводили в Литовском княжестве свой образ правления, чудную смесь анархии с деспотизмом, потрясали там веру, запрещали язык и, лишая обитателей западной Руси того, что было святыней предков, чем дорожит каждый народ, предавали их в жертву жидам и татарам» [9, с. 267].

Неверный цивилизационный выбор обрек Великое княжество Литовское на жесткое подавление собственного населения, исповедовавшее православие, а также на многовековое и, в конечном итоге, безнадежное противостояние с Москвой. Ярким символом последнего стал титул московских правителей — «Господарь вся земли Русской», принятый в середине XV столетия. Впрочем, прежде чем прийти к закономерному краху, крови своим православным подданным власти Польско-Литовской унии попортили изрядно. Описанное Н. Г. Устряловым, выглядит весьма актуально — на фоне происходящего на Украине. Видимо, исторический опыт ничему не учит. Подобная политика заканчивается катастрофой — о чем свидетельствует история Речи Посполитой.

Речь, в первую очередь, идет о многочисленных попытках их обращения под эгиду римского папы. Помимо всевозможных индивидуальных инициатив, необходимо остановиться на двух эпохальных попытках. Первая из них — Флорентийская уния 1439 г., вторая — Брестская уния 1596 г. Они, особенно последняя, имели серьезные последствия для православного населения Великого княжества Литовского, а затем и Речи Посполитой. Король Сигизмунд III активно использовал для навязывания унии административный ресурс:

«Он принял за правило не позволять посвящения в митрополиты и епископы людей, отвергавших Унию; отдавал униатам богатейшие монастыри и приходы; оказывал им при всяком случае явное доброжелательство, притесняя православных; возводил на степени государственных сановников преимущественно последователей Унии» [9, с. 279].

Уния в руках ее инициаторов выступала как способ уничтожения русской народности. Там, где она восторжествовала, как, например, в Галиции, мы видим наглядное подтверждение этого.

Дальнейшая история Речи Посполитой закономерно вела к ее гибели. Даже эпизодические успехи, как в эпоху Смутного времени, лишь отсрочивали ее неминуемую гибель. В этой связи Н. Г. Устрялов рассматривает такое событие, как воссоединение Малороссии с Россией, когда «Алексей Михайлович, опираясь на свои права, возвратил отечеству древнюю область его и принял титул *государя вся великия и малыя России*» [9, с. 337]. Конечно, данное присоединение сопровождалось длительной и кровопролитной борьбой, но обратный отсчет для Речи Посполитой начался. Свой вклад в это дело внесли Петр I и последующие правители Российской империи.

Наконец, последним актом существования Речи Посполитой стали пресловутые разделы Польши, проведенные в 1772, 1793 и 1795 гг. Таким образом,

«...Екатерина II довершила мысль и древних царей, и многие планы Петра: соединила под свою державу почти всю Русскую землю, вместе с значительной частью Польского королевства, которое с отделением Западной Руси не могло существовать самобытно в формах анархии, даровала своему государству решительный перевес над всеми соседями и ознаменовала внутреннее управление многими учреждениями для народной промышленности и образования» [9, с. 30].

Н. Г. Устрялов внимательно рассматривает дальнейшую историю, включавшую участие поляков в войнах Наполеона против России (в 1812 г., писал историк,

было задействовано с их стороны 80000 человек), последующее присоединение польских территорий к нашей стране и создание из них Царства Польского. Это было конституционное государство — одно из немногих на тот момент в Европе, обладавшее собственным законодательством и армией. В Польше началось бурное развитие экономики и стремительный рост населения. Заметим, что на принадлежавших Пруссии и Австрии польских землях ничего подобного не происходило. Например, на принадлежавших Пруссии территориях через сто лет после Венского конгресса проживало меньше поляков, чем до него. Сказывалась жесткая германизация, проводившаяся в течение этого времени.

Но все эти благотворительные меры ни в коей мере не могли удовлетворить тщеславие польских элит — шляхты и католического духовенства. Они постоянно подстрекали мятежи, из которых самыми известными стали вооруженные выступления 1830–1831 гг., описанное Н. Г. Устряловым, и 1863–1864 (в его «Историю» не вошедшее). После подавления первого из этих мятежей русское правительство начало принимать меры по искоренению польского влияния на территории Западной Руси. Самым важным из них, о котором идет речь у Н. Г. Устряловым, стала ликвидация Брестской унии в 1839 г. Мероприятия, связанные с этим, начались в Санкт-Петербурге, а затем прошли в Витебске, Полоцке, Велиже, Суроже, Орше, Минске и Вильне.

«Тихо и безмятежно родное возвратилось к родному, и с тех пор все основное народонаселение в западном краю империи, за исключением собственно так называемой Литвы и Жмуди, не только русское, но и православное» [9, с. 903].

От этого события мы можем вполне органично перейти к изложению воззрений другого героя нашей статьи — М. О. Кояловича, ибо оно, как мы увидим дальше, сыграло в его истории судьбоносную роль. Любопытно, что в своем основном труде, «Истории русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» (1884), он специально не рассматривает исторические воззрения Н. Г. Устрялова. Имя последнего лишь изредка упоминается в это работе [3, с. 296]. Это тем более странно, что М. О. Коялович весьма объективно анализирует главные исторические концепции на русской почве, отдавая должное даже тем из них, которые оказываются ему чуждыми. Тем не менее, общее между двумя историками есть и это — пристальное внимание к историческому пути Западной Руси.

Михаил Осипович (Иосифович) Коялович (20 сентября [2 октября] 1828, Гродненская губерния — 23 августа [4 сентября] 1891, Санкт-Петербург) — российский историк, политический публицист и издатель, действительный статский советник. Ведущий представитель «западнорусской» исторической школы. Похоронен М. О. Коялович на Никольском кладбище Александро-Невской лавры, где установлен надгробный памятник.

М. О. Коялович родился в местечке Кузница Сокольского уезда Гродненской губернии в семье униатского священника. Его отец был одноклассником митрополита Иосифа (Семашко) по Главной семинарии при Виленском университете, стал униатским священником, а затем воссоединился с православной церковью. В 1851 г. он поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, которую окончил в 1855 г.

С 6 ноября 1855 г. М. О. Коялович преподавал в Рижской и Петербургской духовных семинариях, а 12 мая 1856 г. он стал преподавателем Санкт-Петербургской духовной академии. В 1856–1862 гг. работал на кафедре сравнительного богословия и русского раскола, в 1862–1868 гг. — на кафедре русской гражданской и церковной истории, с 1868 г. до смерти — на кафедре русской гражданской истории. 5 февраля 1857 г. М. О. Коялович был утвержден в звании магистра богословия. С 1865 г. — член Комиссии по разбору и описанию архива Святейшего Синода. В 1873 г. получил ученую степень доктора богословия (диссертация «История воссоединения западнорусских униатов старых времен (до 1800)») и был назначен ординарным профессором Санкт-Петербургской духовной академии. В 1881 г. М. О. Коялович стал заслуженным ординарным профессором.

М. О. Коялович активно публиковался в российских периодических изданиях. Он сотрудничал в «Журнале Министерства народного просвещения», журналах «Церковный вестник», «Христианское чтение», «Гражданин», «Литовские епархиальные ведомости», «Минские епархиальные ведомости», а также в газетах «Русский инвалид», «День», «Новое время» и др.

Научные исследования М. О. Кояловича посвящены истории униатства, церковной и общей истории Западного края, истории русского самосознания, историографии истории России. Сам исследователь встал на позиции славнофилов, т. к. считал их мировоззрение наиболее соответствующим задачам понимания русской и всеобщей истории. В качестве внутренней основы русской жизни М. О. Коялович рассматривал общинно-вечевые традиции и соборность. Православной церкви и государству он отводил решающую роль в развитии нравственности. Роль интеллигенции в русской истории оценивал критически, осуждая ее за отрыв от народа и подверженность западным влияниям.

М. О. Коялович был приверженцем и одним из идеологов западнорусизма, отстаивал точку зрения, что белорусы являются самобытной частью русского народа наравне с великороссами и малороссами, развивал национально-монархические идеи, идеи единства русского народа. По мысли М. О. Кояловича, вся история Северо-Западного края — это русская история, здесь живет русский народ, местное белорусское наречие — это «мост» между малороссийским и великорусским наречиями. Главный труд М. О. Кояловича — «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям», в котором, по мнению современных исследователей, историография представлена «как процесс развития исторической мысли, как часть самосознания народа» [1, с. 13].

На преподавательском поприще М. О. Коялович достиг больших высот. Он пользовался любовью среди студентов, имел репутацию первоклассного лектора. Вокруг М. О. Кояловича в Санкт-Петербургской духовной академии сложилась целая плеяда учеников, воспринявших и развивших идеи своего учителя: О. В. Щербицкий, П. Н. Жукович, Ю. Ф. Крачковский, П. А. Червяковский, Г. Я. Киприанович, И. А. Котович, Н. Р. Диковский. Также большое влияние М. О. Коялович оказал на мировоззрение А. И. Шавельского, А. Б. Белецкого, Е. Ф. Орловского, А. С. Будиловича, Л. С. Паевского, А. В. Ярушевича, К. В. Харламповича, Н. И. Теодоровича, Л. М. Солоневича и многих других историков,

церковных, политических и общественных деятелей. М. О. Кояловича считают основателем православной исторической школы.

В «Чтениях по истории Западной России», в основу которых были положены лекции, читавшиеся автором перед представителями высшего света в 1864 г. (печатались они в газете «День», издаваемой И. С. Аксаковым), М. О. Коялович очерчивает ее границы. «Под именем Западной России нужно разуметь Белоруссию, Западную Малороссию, или так называемую Украину, и Литву в собственном смысле, т. е. страну, населенную литовским народом». Если же, утверждает автор, обратиться к историческому аспекту, то сюда необходимо включать и левобережную Украину, и Галицию, и территории Пруссии и Польши, населенные малороссами, белорусами и литвинами [4, с. 9].

Подобно Н. Г. Устрялову, автор «Чтений» указывает на русский характер Великого княжества Литовского. В дальнейшем, по мере заключения уний с Польшей, этот характер начинает меняться. Поляки вносят разлад в отношении между русскими и литовцами, прельщая последних латинской верой и шляхетскими привилегиями. В конце концов польские влияния приводят к сильной культурной, религиозной и социальной дифференциации населения Литовского княжества. В особенно тяжелом положении оказалось местное крестьянство.

«Никакие права крестьянства никакие обычаи не могли иметь значения по польским понятиям. Холоп — безусловный раб пана. Чем больше набиралось в Литовском княжестве поляков, чем больше полячилось литовское дворянство, тем больше эти понятия вкоренялись и тем тяжелее становилось положение крестьянства в Литовском княжестве. Тяжесть эта особенно увеличивалась оттого, что господами становились иноплеменники или свои, отрекшиеся от своего родного. Паны были поляки, холоп — русский или литвин. Все русское и литовское делалось низкими, позорным» [4, с. 92].

Для борьбы с русским духом в Литовском княжестве утверждались институты, которые до того не были известны не только здесь, но и на Западе. Например, писал М. О. Коялович, инквизиция в Литве начинает действовать в 1436 г., на тридцать лет раньше, чем в Западной Европе. Она должна была преследовать преступления против католицизма, и не случайно ее первыми жертвами становятся православные. Значительную активность в XVI–XVII вв. на территории Речи Посполитой проявляют иезуиты, которые ведут борьбу как с православием, так и с протестантизмом, который получил здесь значительное распространение.

Одним из важнейших инструментов борьбы становится система образования. Хотя, как человек XIX века, М. О. Коялович был достаточно скептически настроен по отношению к схоластическому образованию, он признает успешность деятельности иезуитов на данном поприще:

«Образование у иезуитов основано было на началах схоластики. Вся сущность образования у них заключалась в долговременном занятии молодого человека изучением латинского языка и в упражнении его ума философскими и богословскими формулами. <...> Он выходил из-под руководства иезуитов с полным убеждением, что прекрасно образован, тогда как на деле не понимал

сущности самых простых вещей. Между тем в течение долговременного учения молодых людей иезуиты присматривались к ним и более способных завлекали в свое общество, а остальных старались приучить к безусловному повиновению себе» [4, с. 95].

С М. О. Кояловичем, конечно, можно поспорить. Вспомним, что выпускниками иезуитского колледжа Ла-Флеш были М. Мерсенн и Р. Декарт, чью роль в формировании новоевропейской науки трудно переоценить. Но то, что в истории Западной Руси образовательные учреждения иезуитов сыграли роковую роль, — не поспоришь. За короткое время им удалось переформатировать сознание большинства представителей литовской и западнорусской аристократии, обратить их в католицизм, а тем самым вырыть пропасть между дворянством и простонародьем. Теперь между ними были не только социальные и культурные отличия, но и отличия религиозного характера. Это рано или поздно должно было взорвать ситуацию в Речи Посполитой.

Борьбу за сохранение идентичности в Западной Руси приняли на себя православные братства. М. О. Коялович немало места уделил в своем творчестве этому феномену. Он пишет о них в «Чтениях по истории Западной России», а еще раньше посвятил им «Чтения о церковных западнорусских братствах», чей материал публиковался в той же газете «День» в 1862 г. Первые братства возникли еще в XV веке — в 1439 г. во Львове и в 1458 г. в Вильне. К православным братствам примыкали миряне — как дворяне, так и простолюдины, представители белого духовенства. При этом М. О. Коялович с горечью констатирует тот факт, что среди членов братств практически отсутствовали представители церковной иерархии. Более того, после 1596 г. «почти вся высшая иерархия перешла в унию» [5, с. 301]. После унии преследование православия в западнорусских землях приняло систематический характер, что вызывало недовольство как местного населения, так и правителей России. Результатом стали многочисленные восстания (самое известное из них — восстание под руководством Богдана Хмельницкого) и военные столкновения между Россией и Речью Посполитой.

В конце концов подобная дискриминационная политика привела Речь Посполитую к гибели. Несмотря на отчаянные попытки шляхты сохранить ее, важнейшую роль в этом сыграло полное равнодушие простого народа. «Над ней совершился исторический приговор, давно заявленный историей и давно требовавшей разделения ее как Польско-Русского государства на две части: русскую и польскую» [4, с. 151]. Русское население Речи Посполитой могло испытать при ее крушении только облегчение своего униженного положения. Россия взяла свое, но, разумеется, ситуацией воспользовались и соседние страны — Пруссия и Австрия, которые использовали данную коллизию для аннексии чисто польских земель. Дело в том, что Речь Посполитая по нормам международного права, принятым в XVIII столетии, не считалась государством и рассматривалась как образование, представляющее угрозу соседям. К. Шмитт писал, что оно

«...не преодолело феодальной стадии и не достигло организации современного европейского государства. Оно не было государством и поэтому в последней

четверти XVIII столетия было поделено между несколькими государствами» [10, с. 207].

Теперь можно провести параллели между концепциями двух авторов. Н. Г. Устрялова часто упрекали за некритическое отношение к царям и императорам. Конечно, автору, писавшему в годы правления Николая I, трудно было поступить иначе. В отличие от него, для М. О. Кояловича свойственно более трезвое восприятие отечественных правителей, особенно в их политике по отношению к Западной Руси. Свою меру критики получает как Иван Грозный — за ту жестокость, которую по его приказам осуществляли на территории Литвы, занятой русскими войсками, что во многом оттолкнуло от России местное население, так и императоры, чья политика была максимально лояльна по отношению к польскому шляхетству и часто игнорировала интересы западнорусского населения. За это автор «Чтений по истории Западной России» критикует и Петра I, и Екатерину II, и Павла I, и Александра I. Впрочем, писал он свои труды в эпоху «великих реформ», когда многое уже было дозволено. Кроме того, нельзя забывать и прагматический характер этих «Чтений» — они должны были ориентировать представителей российских властей в деле проведения политики в этой части империи.

В творчестве обоих историков есть интересные совпадения. Как мы уже писали выше, большую роль в судьбе Н. Г. Устрялова сыграл Д. Н. Блудов. Весьма высоко роль этого государственного деятеля в процессе возвращения униатов в лоно православия оценивал и М. О. Коялович. Вспомним, какое значение имело это событие для самого историка. Он пишет о деятельности министра внутренних дел, а именно такой пост в 1832–1839 годах занимал Д. Н. Блудов, в «Чтениях» [4, с. 161]. На смерть выдающегося государственного деятеля М. О. Коялович откликнулся статьей «Несколько слов о графе Димитрии Николаевиче Блудове: Западной России на память» (1864). В ней автор указывал: «Имя покойного графа Димитрия Николаевича должно быть известно и дорого всему русскому в этой стране. Ему принадлежит горячее участие в великом событии западнорусском — воссоединении униатов, участие, которое составит лучшие страницы этой глубоко народной, но до сих пор непонятой истории» [5, с. 429].

Завершая статью, отметим, что, несмотря на длительный период забвения, концепция Н. Г. Устрялова представляется весьма актуальной. Его основная идея звучит как будто ответ на современные проблемы, стоящие перед нашей страной: «С самого начала, подчеркивал он, русская история имела одно направление, один элемент в своем основании, одну идею — объединение русских земель в одно государство» [1, с. 266]. В еще большей степени данная оценка касается и концепции М. О. Кояловича, для которого Западная Россия — «страна русская в самых корнях своих, и корнях здоровых, которые не могут не давать росту и красоты и своим старым стволам, и своим молодым ветвям» [4, с. 166]. Одной из таких ветвей и стало идейное наследие самого М. О. Кояловича, внесшего выдающийся вклад в изучение как истории родной Белоруссии, так и проблем русского самосознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Историография истории России до 1917 г.: учебник для студентов высших учебных заведений. В 2-х т. Т. 1 / [А. Г. Кузьмин и др.]; под ред. М. Ю. Лачаевой. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2004. 382 с.
2. Кожурин А. Я., Романенко И. Б. Бои за историю (Н. А. Полевой *contra* Н. М. Карамзин): опыт историко-философской компаративистики // Общество: философия, история, культура. 2025. № 3. С. 16–25.
3. Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Мн.: Лучи Софии, 1997. 688 с.
4. Коялович М. О. Чтения по истории Западной России. СПб.: Наука, 2020. 438 с.
5. Коялович М. О. Шаги к обретению России. Мн.: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. 752 с.
6. Мегем М. Е. «Русская Литва» в концепции Н. Г. Устрялова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2014. Вып. 12. С. 14–20.
7. Милюков П. Н. Юридическая школа в русской историографии // Русская мысль. 1886. Кн. 6. С. 80–92.
8. Российская Федерация сегодня. 2007. № 4.
9. Устрялов Н. Г. Русская история до 1855 года, в двух томах. Петрозаводск: Корпорация «Фолиум», 1997. 958 с.
10. Шмитт К. *Nomos* Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. 670 с.

REFERENCES

1. *Istoriografiya istorii Rossii do 1917 g.: uchebnik dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenij. V 2-h t. T. 1 / [A. G. Kuz'min i dr.]; pod red. M. Yu. Lachaevoj* [Historiography of the history of Russia before 1917: a textbook for students of higher educational institutions. In 2 volumes, vol. 1. / [A. G. Kuzmin et al.]; edited by M. Y. Lachaeval]. Moscow, VLADOS Humanitarian Publishing Center, 2004, 382 s. (in Russian).
2. Kozhurin, A. Ya., Romanenko I. B. *Boi za istoriyu (N. A. Polevoj contra N. M. Karamzin): opyt istoriko-filosofskoj komparativistiki* [Battles for history (N. A. Polevoj contra N. M. Karamzin): the experience of historical and philosophical comparative studies]. In: *Society: philosophy, history, culture*, 2025, no. 3, pp. 16–25 (in Russian).
3. Koyalovich, M. O. *Istoriya russkogo samosoznaniya po istoricheskim pamyatnikam i nauchnym sochineniyam* [The history of Russian identity based on historical monuments and scientific writings]. Moscow, Rays of Sofia, 1997, 688 s. (in Russian).
4. Koyalovich, M. O. *Chteniya po istorii Zapadnoj Rossii* [Readings on the history of Western Russia]. Saint Petersburg, Nauka, 2020, 438 s. (in Russian).
5. Koyalovich, M. O. *Shagi k obreteniyu Rossii* [Steps towards acquiring Russia]. Minsk, Publishing House of the Belarusian Exarchate, 2011, 752 s. (in Russian).
6. Megem, M. E. “Russkaya Litva” v koncepcii N. G. Ustryalova [“Russian Lithuania” in the concept of N. G. Ustryalov]. In: *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant*. Series: Humanities and Social Sciences. Russian Russian Academy of Law 2014, issue 12, pp. 14–20 (in Russian).
7. Milyukov, P. N. *Yuridicheskaya shkola v russkoj istoriografii* [The legal school in Russian historiography]. In: *Russkaya mysl*, 1886, book 6, pp. 80–92 (in Russian).

8. *Rossijskaya Federaciya segodnya* [The Russian Federation today]. 2007, no. 4. (in Russian).
9. Ustryalov, N. G. *Russkaya istoriya do 1855 goda, v dvuh tomah* [Russian history before 1855, in two volumes]. Petrozavodsk, Folium Corporation, 1997, 958 s. (in Russian).
10. Schmitt, K. *Nomos Zemli v prave narodov jus publicum europaeum* [Nomos of the Earth in the law of nations jus publicum europaeum]. Saint Petersburg, Vladimir Dahl, 2008, 670 s. (in Russian).